Исполняющий обязанности Патриаршего экзарха Африки: еще ряд священников желают перейти в Русскую Православную Церковь



Патриарший экзархат Африки начал 2024 год с самого масштабного выезда священнослужителей Русской Православной Церкви в разные страны африканского континента. В некоторых из них впервые прошли богослужения для русскоязычных верующих в праздники Рождества Христова, Крещения и Обрезания Господня. Новый глава экзархата – исполняющий обязанности Патриаршего экзарха Африки епископ Зарайский Константин – в своем первом интервью на этой должности ***рассказал РИА Новости*** *об отборе священнослужителей для поездки, а также о первоочередных задачах, образовательных и миссионерских проектах Африканского экзархата.*

– Владыка Константин, нынешняя рождественская поездка русских священников в Африку стала самой массовой в истории экзархата. С какими трудностями пришлось столкнуться при ее организации и проведении?

– Трудности были организационными, потому что в страны Африки были отправлены русские священники из разных епархий. Для каждой страны нужны прививки, документы, письма в посольство, перелет, транспорт, поэтому труд был объемный, но рутинный, технический. Значимых проблем в этих поездках не возникло. Организационно, конечно, каждая поездка – это самостоятельное событие: хотя все они состоялись в одно время, почти каждый священник направлялся не в одну страну, а в две или даже три. Всего в выезде кроме меня участвовали семь священников. Охвачено было семнадцать стран, причем в шести из них Рождественские литургии в традиции Русской Церкви служились впервые. Служили наши священники также и на Обрезание Господне, и на Богоявление.

– Вы сказали, что это было духовенство из разных епархий. Как участники поездки были отобраны?

– Это были добровольцы, уже известные нам священники. Мы согласовывали их участие с епархиальными архиереями. Для такой поездки человек должен иметь некий опыт выхода из зоны комфорта и в той или иной мере владеть языком: Африка – континент большой, но требуются в основном английский или французский языки.

– Был ли визит в ЮАР первым посещением Африки для вас лично? Каким вы находите состояние епархиальной жизни в ЮАР и состояние экзархата в целом, чего удалось достичь?

– Да, это была моя первая поездка в Африку. За границей я бывал много раз, но Африка – это, конечно, нечто особое. В Южно-Африканской Республике прошел первый «классический» архиерейский визит, когда архиерей посещает вверенную ему епархию, встречается с официальными лицами – в данном случае я встречался **с послом России** и **с генеральным консулом в Кейптауне**. Также я встретился со всем духовенством. В ЮАР я совершил четыре богослужения: Литургию в день Обрезания Господня и памяти святителя Василия Великого в нашем русском **храме преподобного Сергия Радонежского в Йоханнесбурге**; молебен **на приходе в Робертсоне**, на Богоявление **на нашем приходе в Кейптауне** – всенощное бдение и Литургию с великим освящением воды. Все священники ЮАР мне сослужили на этих службах – в разном составе. После службы в Кейптауне мы провели **собрание духовенства ЮАР**, обсудили текущие вопросы.

– Что это были за вопросы, в чем нуждаются священники?

– ЮАР – богослужебно организованная страна. Там мы имеем четыре храма и пять священников,

поэтому вопросы были, в основном, о пастырской практике: как действовать священнику в той или иной трудной ситуации, как взаимодействовать между собой. В ЮАР есть возможности для развития нашей церковной жизни: там есть русские общины, которые не охвачены постоянно пастырским вниманием. Конечно, всех интересует и ситуация в России, все те сложные вопросы, которые стоят у нас на повестке дня.

– В Южной Африке есть общины буров, принявших Православие, которые возглавляют местные священники. Растут ли они, и появляются ли новые, есть ли интерес к Православию у буров?

– Знаете, в Кейптауне есть замечательный приход преподобного Иоанна Лествичника, где служит отец Николай Эстерхейзен – я служил там на Богоявление. Это молодой священник, но чувствуется, что это настоящий, хороший пастырь. Среди верующих там и наши русские, и местные. Что касается развития, то перспективы очень хорошие. В Робертсоне приятное впечатление производит приход храма преподобной Марии Египетской. Конечно, масштабная проповедь, чтобы приходили сотни и тысячи – это дело, наверное, будущего.

Сейчас главное – налаживание нормальной, спокойной повседневной церковной жизни. Не только в Южной Африке, но и во всех странах, где присутствует экзархат. Ведь Православная Церковь построена на ежедневном богослужении, постоянной проповеди, таинствах, пастырском окормлении, молитве за людей, делании добрых дел. Это повседневное, в хорошем значении этого слова рутинное дело. Оно в Африке есть, и нам нужно этим заниматься, налаживать и помогать.

– Нужно ли сейчас для этого посылать в Африку на постоянное служение священников из России для окормления соотечественников или местных жителей?

– Это разные направления деятельности экзархата. Одно направление, главное – это множество перешедших к нам священников: их больше двухсот, и все они на месте. Более того, буквально на днях я проводил собеседование еще с рядом священников из Африки, которые желают перейти в Русскую Православную Церковь. Пятерых мы готовы принять. Поэтому в этом плане динамика весьма позитивная. Вторая сторона – окормление наших русскоязычных братьев и сестер, которые живут в разных странах Африки. В первую очередь это требует контакта с посольствами, местными русскими общинами и устроения «выездного» окормления. В тех случаях, где это возможно, – строительства постоянных храмов или аренды помещений. И в этом контексте направление священников русских возможно, но это будет решаться в каждом конкретном случае.

– Планируется ли сейчас, в таком случае, строительство новых храмов, а также

организация школ, больниц, духовных и культурных центров?

– Строительство храмов – дело великое, и в первую очередь оно касается тех общин, которые к нам перешли от греков. Сейчас мы вникаем в ситуацию. Предстоит мой объезд всех этих стран, совершение богослужений на местах. А дальше надо смотреть реалистично на вещи: где-то просто нужно срочно приобрести тент, где-то возникают земельные вопросы, где-то идет речь о помещении, а может быть, даже и о храме. Конечно, одна из ближайших задач экзархата – оценка этой ситуации, понимание, что можно сделать, и поиск средств и людей. Мы не хотим ничего сочинять: рассматривается каждая конкретная община, каждый конкретный случай.

– Столкнулись ли священники или вы лично с препятствиями этой миссионерской поездке со стороны Александрийского Патриархата или других недружественных сил?

– Лично я при поездке в ЮАР ни с чем таким не столкнулся, никакого противодействия не было. Есть общая наша позиция: она мирная, добрая, церковная. Трагедия, которая произошла, уже произошла, и она колоссальна: Константинопольский Патриарх, а вслед за ним греческий церковный мир, признали раскол на Украине. Это боль и трагедия, но не нужно усиливать эту ситуацию еще и руганью. Да, мы приняли этих священников, они стали священниками Русской Православной Церкви. Теперь мы налаживаем мирную церковную жизнь.

– Экзархату уже два года. Как сейчас воспринимают местные жители его присутствие?

– Мне ничего не известно о значимых выступлениях местных жителей против нашего духовенства и верующих. Наоборот, мы видим положительную ситуацию и большие возможности для христианской проповеди и добрых дел.

– Александрийская Церковь ранее заявляла о судебных мерах, вплоть до лишения сана, в отношении руководства экзархата и его клириков, совершавших миссионерские поездки по Африке. Признает ли их правомерность и силу Русская Церковь? Есть ли сведения о том, что в Александрийской Церкви могут предпринять аналогичные меры и в вашем отношении?

– Русская Православная Церковь на уровне Священного Синода не признала этих решений. Митрополит Леонид (Горбачев) и священники Андрей Новиков и Георгий Максимов остаются клириками Русской Православной Церкви в своем сане.

– А есть ли сведения о том, могут ли такие же действия готовиться Александрийским Патриархатом против вас лично?

– Поживем – увидим.

– Патриарх Александрийский Феодор недавно заявлял, что его клирикам якобы платили 200 долларов за переход в Русскую Православную Церковь, так как Александрийская слишком бедна. Как вы можете охарактеризовать эти слова? Этично ли с его стороны отзываться так о собственных бывших священниках?

– В этом деле меня поразило само число – 200 долларов. Я могу сказать вам, что люди, которые перешли от греков, конечно, имеют гораздо большую мотивацию, и речь идет не о финансах, потому что в противном случае они бы так и бегали туда-сюда. Но люди никуда не бегают – они на месте, хотя они действительно испытывают притеснения от греков, многие из них лишились своих храмов.

– Об этом не раз сообщалось, как и о том, что Александрийский Патриархат лишает перешедшие общины доступа к источникам воды, исключает из школ детей их священников. Продолжаются ли такие действия сейчас, и удается ли Русской Церкви справиться с ними?

– Да, это есть, но наша задача – решать проблемы. И мы их решаем по мере возможности, мы помогаем нашим священникам и при этом сохраняем мирный дух. Я еще раз хотел бы подчеркнуть, что моя задача – не усиливать вражду, не разжигать ее, а наоборот, по возможности умиротворять страсти.

Кстати, и сам ваш вопрос показывает, что если бы это был переход за деньги, то, скорее всего, священники после такого сразу бы возвращались обратно. Но речь идет не о деньгах.

– Присоединяются ли к экзархату сейчас общины неканонических православных юрисдикций, представленные в Африке, и приходы других конфессий – католиков, протестантов?

– Переходы продолжаются, но мы должны здесь быть очень внимательными, потому что люди разные, их истории очень разные. Задача состоит не в том, чтобы количественно насыщать статистику. Ведь если человек, бывший в неканонической структуре священником или архиереем, согласен перейти мирянином – это один разговор, а если человек хочет получить священный сан или власть – совершенно другой. Такие диалоги мы продолжаем вести.

– В Русской Церкви уже есть послушники и послушницы из Африки. Есть ли сейчас

перспективы того, что в Африке могут быть открыты монастыри Русской Православной Церкви с монашествующими из коренных жителей?

– Монашество – это вещь очень серьезная, это образ жизни. Действительно, монашествующие из Африки приезжали и приезжают в Россию, буквально сейчас приезжали несколько сестер, проходили практику в русских монастырях. Это будет продолжаться, и сейчас идет разговор о посылке еще нескольких монашествующих на практику.

Здесь важно быть очень внимательным и деликатным: конечно, всегда очень хочется сделать все быстро, сразу отчитаться, но нужно действовать шаг за шагом. Поэтому монашествующие – это тема актуальная. Я во время поездки в ЮАР уже общался с одним кандидатом и порекомендовал ему еще пройти практику на приходе.

Будем трудиться и надеяться на милость Божию. Один хороший монах, укорененый в традиции, стоит десяти ничего не знающих о настоящем монашестве.

– Сколько священников и монашествующих сейчас учится в семинариях и монастырях Русской Церкви или готовится к принятию сана или пострига? Из каких стран?

– Мы имеем нескольких монашествующих священнослужителей, которые перешли в Русскую Церковь, они служат как приходские священники в Африке. Другая тема – семинаристы: у нас больше сорока семинаристов учится в четырех духовных школах. Это Московская духовная академия, Санкт-Петербургская духовная академия, Николо-Угрешская духовная семинария в Московской области и Томская духовная семинария. Это направление будет дальше развиваться. Мы сейчас имеем заявки еще от нескольких семинарий на абитуриентов из Африки.

Ребята сейчас учат русский язык: это их первая задача, потому что учиться им приходится на русском, и для них очень трудно, конечно. Я встретился с каждым из этих студентов, и меня очень приятно обрадовало, что это хорошие ребята: за все это время было только одно отчисление по дисциплине, а ведь у нас там больше сорока студентов! Ребята хорошие, они очень разные по своим способностям, но они очень мотивированы: для них это огромный шанс получить образование в ведущей стране православного мира. Все они желают вернуться домой. Поэтому для нас это большой вызов – их обучить, привить добрую церковную традицию и подготовить к пастырскому служению у себя на родине.

– И родные языки у них, по-видимому, тоже разные?

– Самые разные! Знаете, это только кажется, что достаточно английского языка, и все проблемы

решены! Нет, многие из этих ребят знают только французский, и то как второй язык. Это и для меня самого вызов: я сейчас свой английский подтягиваю, французский тоже надо будет учить в будущем.

– Служат ли они сейчас на приходах?

– Среди семинаристов пока есть только один священник, архимандрит Захария (Мулингва) из СПбДА, остальные – миряне. Поэтому они живут, как русские семинаристы, в своих духовных учебных заведениях. Африканские братья живут по тому уставу и порядку, который принят у русских студентов. Русская Церковь берет их на полное обеспечение, они имеют возможность учиться и готовиться к будущему служению.

Ставленники, которые приезжают из Африки, проходят в России подготовку, потом рукополагаются, проходят ставленническую практику и утешают столичных прихожан ектениями и возгласами на своих языках. Совершенно непривычно для русских, но – ничего. Это тоже наша Церковь.

– Работает ли экзархат над какими-то образовательными проектами для африканского клира?

– Знаете, я столкнулся с тем, что нашим африканским братьям-священникам действительно нужна помощь во многих церковных вопросах: и им самим в их пастырской деятельности, и в подготовке материалов для них в помощь для окормления верующих. Сейчас для экзархата это очень серьезный вызов. Что-то уже сделано, но важное направление – это переводческая деятельность: мы сейчас серьезно думаем о переводе материалов.

Мы уже говорили с двумя русскими священниками, которые готовы к нам подключиться: они имеют большой образовательный опыт работы в российских духовных школах, которые мы тоже хотим в будущем привлечь к таким трудам. Я бы считал церковно-образовательное направление одним из важнейших. Здесь я хотел бы потрудиться, используя и личный опыт – я в прошлом был ректором семинарии и председателем епархиального Отдела религиозного образования и катехизации. Поэтому надеемся милость Божию в переводческом и образовательном направлении.

– О какой литературе идет речь, и на какие языки?

– Самой разной. Во-первых, языки Африки: здесь языков много, но главное – на английский. Затем – французский, суахили, португальский, местные языки. А литература – богослужебная,

катехизическая, просветительская, труды святых отцов, жизнеописания святых, апологетика, миссионерская литература – это огромнейший пласт. И зачастую это простые книги: речь не идет о многотомных изданиях, но в помощь священникам на местах целые библиотеки надо делать, причем с уважением к той традиции, которая есть на местах.

С другой стороны, мы видим определенные проблемы в традициях. Я не хочу сейчас обнажать все наши язвы, но определенные проблемы нам видны, и здесь не нужно никого раздражать: ведь образование может быть сущим мучением.

Наша задача – вычленив узловые проблемные точки, постараться помочь нашим африканским отцам с улучшением церковной жизни по сравнению с тем, что мы сейчас имеем. Опять же, имея деликатность, мирность, уважение к их времени, силам, возможностям, к их прошлому, образованию, с пониманием языкового вопроса. И потом, за этим стоит уже не только образование самих священников, но и образование детей и взрослых, миссия и образование на приходах. Это невозможно сделать быстро, но это очень значимый вопрос.

Мы находимся в начале пути. Есть наши священники, есть ряд активистов, которые в этом направлении двигаются, и слава Богу, что это есть. Но если Господь даст нам время, силы и возможность потрудиться, то я думаю, что одним из самых значимых направлений, кроме храмостроительства, церковной жизни и подготовки священнических кадров, станет вопрос церковного образования и миссии.

– Эти книги планируется издавать в Африке или в России?

– Здесь мы тоже в начале пути, потому что, во-первых, я думаю, что что-то частично уже сделано. Вопрос авторских прав тоже стоит: сейчас все в интернете работают, где-то можно ссылку сделать, а где-то надо начинать с нуля. Только что у нас было совещание по списку того, что нужно сделать в первую очередь, по оценке уже сделанного на разных языках, оценке финансовых возможностей и человеческих ресурсов.

– Вы упомянули про особенности местной традиции, о каких особенностях речь?

– Я сейчас о богослужении. Церковь – это в первую очередь служба: как совершается Литургия, как совершаются таинства, порядок этих таинств – традиции тоже могут быть разные. Особо трудный вопрос – отношение на местах к таинству исповеди. Здесь это, знаете, вхождение на глубину: нам придется очень много заниматься повседевной работой по устроению церковной жизни. Повторюсь: уважая людей, сложившуюся традицию, понимая их, ни в коем случае не допуская раздражения. Через образовательные курсы, общение, подготовку и распространение

литературы, дистанционное образование, помощь людям в узнавании Христа и настоящей духовной живой традиции.

Возвращаясь к монастырям и монашеству: это вопрос не только людей, это вопрос того, чтобы эти люди были причастниками монашеской традиции. Хотя бы один монах, причастный к традиции, может создать настоящий монастырь, но сто желающих монашества без причастия к традиции будет просто собранием людей, которые не хотят жениться.

– А сколько всего сейчас священников, приходов, верующих в экзархате?

– У нас сейчас числится по списку 218 священников из Африки. Эта цифра будет меняться в большую сторону буквально в ближайшее время. Они живут в 17 странах Африки и окормляют общины из 29 стран: то есть священник может окормлять несколько стран. Есть и русские священники: их пять человек, они командированы из России. А приходов – более 200, но это не приходы в русском понимании, когда такой храм красивый с золотыми куполами. Зачастую словом «приход» может называться просто поселение, может буквально палатка стоять или хижина, комната.

И снова к вопросу мотивации: я общался с желающими перейти в Русскую Церковь из клира Александрийской Церкви и обратил внимание, что мотивация у людей совершенно не денежная: ни один человек не спросил у меня о деньгах, не спросил, сколько он будет получать. Я у каждого сам спрашивал о мотивации. И мотивация – быть в чистой, истинной Церкви.

– Сейчас на вас возложено руководство обеими епархиями экзархата. Могут ли в обозримом будущем быть возведены в епископский сан африканские священники, которые могли бы их возглавить?

– Это нормально для архиерея – быть выбранным из местного духовенства. Но, думаю, что это дело завтрашнего дня, потому что сегодня к епископу предъявляются очень большие требования – и по уровню образования, и по пастырскому опыту.

– Во многих африканских странах приходы Русской Церкви живут в преимущественно мусульманской среде. Как у них развиваются отношения с мусульманами, а также с инославными христианами?

– Что касается диалога с мусульманами, то он достаточно деликатный и вдумчивый, причем в разных странах – разная ситуация: есть, например, Египет, а есть Нигерия. Наша принципиальная позиция: жить в мире и добрососедстве со всеми, с учетом специфики населения, исторических

традиций того или иного государства. Задача – ни с кем не ссориться, а делать свое дело.

У нас есть стратегические партнеры на континенте – Древние Церкви, которые несут здесь служение с первых веков христианской эры, это, прежде всего, Коптская и Эфиопская Церкви. С ними давно налажен братский диалог, развивается много совместных проектов, а отношения развиваются на основе дружбы и взаимопомощи. Так, Коптская Церковь предоставила в бессрочное пользование нашему приходу в Каире свой храм, помогает приходу в Хургаде и даже в таких странах, как, например, Намибия. В ЮАР я был в храме Маланкарской Церкви, был на приеме у митрополита Коптской Церкви, где увидел искреннюю любовь, с которой к нам относятся.

– Недавно сообщалось, что Кения может направить 10 тысяч своих граждан в Россию для трудоустройства. Лежит ли в сфере пастырской ответственности экзархата миссия в среде африканских мигрантов в нашей стране?

– Я думаю, что если это случится, то их окормление будет в зоне ответственности тех архиереев, в чьи епархии придут эти люди.

– Владыка, в заключение: что бы вы назвали главными задачами экзархата на ближайшее время, и какие перспективы для него назвали бы главными?

– Устроение нормальной, правильной церковной жизни, постоянное совершение богослужений и всего того, что присуще Православной Церкви.

Я приведу простой пример. Мы сейчас с вами беседуем неподалеку от больницы. Понятное дело: может, кому и интересно, что думает главврач, или где он выступает. Но задача главного врача – чтобы больница работала, чтобы операции делались и чтобы люди выздоравливали.

Церковь – это духовная больница, ее задача – исцеление духа. Патриарший экзархат Африки очень молод, ему всего два года. Очень много самых разных вопросов и проблем, и они требуют мудрого, пастырского, отеческого решения и некой хорошей «настройки». Самое главное в Церкви – это богослужение и добрые дела ближним: этим мы и будем заниматься.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/91350/